

Первый перевод Сервантеса на русский язык

Олег М. Буранок

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия, olegburanok@yandex.ru*

Александр О. Буранок

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, buranok@yandex.ru*

Аннотация. Обнаруженная О.М. Буранком рукопись Никанора Ивановича Ознобишина «Корнелия» – это наиболее *ранний* (1761 г.), *первый* из известных на сегодняшний день переводов Мигеля де Сервантеса на русский язык. До этого, как указывает А.Д. Умикян, первым переводом на русский язык считалась новелла «Две любовницы» (“Las dos doncellas”) из «Назидательных новелл», переведенная и изданная при Московском университете в 1763 г. Ознобишин переводил Сервантеса не с испанского, а с французского языка, что было типично для переводов XVIII в. Переводы Сервантеса на русский язык изучались ранее такими исследователями, как Б.А. Кржевский, Н.Я. Берковский, К.Н. Державин, Б. Франк, М.В. Алпатов, М.П. Алексеев, В.Е. Багно и другие. Однако никому из них перевод новеллы «Сеньора Корнелия», выполненный Н.И. Ознобишиным, известен не был. Таким образом, перед нами стояли задачи исследовать данный перевод; сравнить его с другими, более поздними переводами Ф. Кабрита 1805 г. и Б. Кржевского 1934 г.; разобрать содержание перевода Н.И. Ознобишина; попытаться выяснить место данного перевода в контексте переводной литературы XVIII в. в России.

Ключевые слова: Мигель де Сервантес Сааведра, «Сеньора Корнелия», Никанор Иванович Ознобишин, перевод

Для цитирования: *Буранок О.М., Буранок А.О.* Первый перевод Сервантеса на русский язык // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 66–88. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-66-88

The first translation of Cervantes into Russian

Oleg M. Buranok

*Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russia, olegburanok@yandex.ru*

Aleksandr O. Buranok

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, buranok@yandex.ru*

Abstract. “Cornelia”, the manuscript by Nikanor Ivanovich Oznobishin, which was discovered by O.M. Buranok, is the earliest (1761) of the currently known translations of Miguel de Cervantes into Russian. Prior to that, as A.D. Umikyan points out that the novella “Two Mistresses” (“Las dos doncellas”) from the “Exemplary Novels” was considered the first translation into Russian (completed and published at Moscow University in 1763). Oznobishin translated Cervantes not from Spanish, but from French, which was typical for translations of the 18th century. Cervantes’ translations into Russian were studied earlier by such researchers as B.A. Krzhevsky, N.Ya. Berkovsky, K.N. Derzhavin, B. Frank, M.V. Alpatov, M.P. Alekseev, V.E. Bagno, etc. However, none of them knew the translation of the novella ‘Senora Cornelia’ by N.I. Oznobishin. Thus, the article aims at comparing that translation with other later translations by F. Kabrit in 1805 and B. Krzhevsky in 1934; analyzing the content of N.I. Oznobishin’s translation; determining the place of this translation in the context of translated literature of the 18th century in Russia.

Keywords: Miguel de Cervantes Saavedra, ‘Senora Cornelia’, Nikanor Ivanovich Oznobishin, translation

For citation: Buranok, O.M. and Buranok, A.O. (2024), “The first translation of Cervantes into Russian”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural studies” Series*, no. 9, pp. 66–88, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-66-88

Переводная литература¹ играла немаловажную роль в литературном процессе XVIII в. Частью литературной политики Петра I было поощрение переводов иностранных книг, особенно имеющих научное и практическое значение, но при этом активно переводили и беллетристику. Петр I, исходя, прежде всего, из утилитарных,

---

¹ История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь: XVIII век. Т. 1: Проза / Отв. ред. Ю.Д. Левин. СПб., 1995; Т. 2: Драматургия. Поэзия / Отв. ред. Ю.Д. Левин. СПб., 1996.

прагматических целей, сначала приглашал иностранцев в качестве переводчиков, а затем стали очень постепенно, но появляться в русской среде переводчики-профессионалы под эгидой Академии наук, которая имела даже штат переводчиков, в который входил, например, С.С. Волчков (1700–1773).

Переводы XVIII в. были весьма своеобразны и рассматривались «как своего рода школа, способствующая развитию и обогащению русской литературы и литературного языка»², переводной «роман не только открывал окно в мир иной культуры, но и выступал в функции учебника поведения, шире – учебника жизни» [Сазонова 1999, с. 130]. Ведь уже роман «Езда в остров Любви» П. Тальмана в переводе В.К. Третьяковского (1730) – первый роман на русском языке – понимался и автором-переводчиком, и читателями как «учебник любви»: галантная беллетристика настолько понравилась, как известно, русскому читателю, что потребовалось переиздание романа. Этот перевод Третьяковского вызвал устойчивый интерес и к жанру романа, и к французской литературе, и к переводческой деятельности. Репертуар переводов середины XVIII в. чрезвычайно обширен ввиду усилившихся контактов России с западноевропейскими странами (и в первую очередь с Францией).

В западном и отечественном литературоведении такие понятия, как художественный метод, литературное направление, стиль часто употребляются исследователями как синонимичные, грани между ними подчас весьма условны. В искусстве слова трудно, подчас, строго определить параметры, согласно которым то или иное произведение можно было бы однозначно отнести к тому или иному методу и стилю. Так, термин «реалистический роман» применительно к середине XVIII в. многими зарубежными литературоведами воспринимается спокойно, другие же относят *те же* произведения к рококо. В 1950-е гг. французское литературоведение вообще не воспринимало термин «рококо»; конец же XX в. ознаменовался вполне терпимым и лояльным отношением к этому термину [Пахсарьян 1996, с. 217–218]. Подобные «разночтения» можно увидеть во многих трудах о художественных методах, стилях и направлениях.

Для русской прозы середины и второй половины XVIII в. (особенно для русского нравоописательного романа) весьма характерен дидактизм, так как авторы прежде всего ценили в своих творениях воспитательную функцию, даже в названиях произведений делали акцент именно на этом: «Неонила, или Распутная дочь, справедли-

---

² Левин Ю.Д. Введение // История русской переводной художественной литературы. Т. 1. С. 11.

вая повесть. Сочиненная А*** Л***» (1794); «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины» М.Д. Чулкова (1770). В предисловиях авторы говорят о пользе, которую принесет читателям повесть или роман для исправления нравов или предупреждения от ошибок. Назидательность была присуща русской прозе изначально: дидактичны и древнерусская проза (жития, поучения), и переводная проза Петровской эпохи, и ораторская проза XVIII в. Потому-то так естественно «вписались» в русскую литературную культуру переводные романы назидательного характера. В западной литературе весьма популярен был жанр воспитательного романа. В русской литературе этот жанр как таковой не выделялся, да в этом и не было нужды: *вся* русская литература с самого своего возникновения (и особенно в XVIII–XIX вв.) – «воспитательная».

Говоря о жанровой системе романа и, в частности, романа рококо в 1740–1760-е гг., Н.Т. Пахсарьян отмечает, что романы этого литературного направления не были изолированы, они взаимодействовали как с эпохой Просвещения, так и с новым литературным направлением – сентиментализмом, что все эти типы романов, как впрочем и всей прозы первой половины XVIII в., художественно взаимодействовали, наблюдалась определенная диффузия различных типов романов между собой [Пахсарьян 1996, с. 161]. Наблюдая эволюцию прозы 1750–1760-х гг. в России, можно заметить сходные тенденции: еще существуют отголоски барокко, обновляется классицизм, через западноевропейскую прозу просачиваются элементы рококо, медленно, постепенно формируется сентиментализм. «Наиболее продуктивной для начального периода развития русского романа оказалась модель любовно-авантюрного романа, ориентированная на старые традиции русского рукописного романа первой половины XVIII в., усвоившего опыт европейского рыцарского и авантюрного романов» [Калашникова 1991, с. 52]. Действительно, указанная жанровая структура тиражируется не только авторами оригинальных русских романов (Ф.А. Эмин, М.Д. Чулков и др.), но и переводчиками западноевропейских романов этого типа.

Н.А. Копанев пишет о заметном влиянии французской книги на русскую культуру середины XVIII в. Так, в 1731–1750 гг. через Петербургскую академическую книжную лавку из 3113 иностранных книг было продано французских 851, что составило 27,3%, а с 1731 по 1761 г. – 800 книг французских писателей, переводов художественных произведений. Явно наметился спрос на французскую литературу. Интересно сопоставление петербургского читательского спроса с московским: в 1749 г. московские читатели запросили только 58 книг, в 1751 – 148, в 1759 г. – 49 книг [Копанев 1988, с. 124, 136, 137; Копанев 1990].

Произведения французских авторов переводились особенно активно. При этом необходимо отметить личное участие в организации переводческой деятельности Екатерины II, которая учредила «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на русский язык» (1768–1783). Безусловно, в этом потоке переводной прозы были и первоклассные авторы, но было и много неизвестных даже у себя на родине прозаиков, из-под пера которых выходили литературные однодневки. Но они-то и составляют «чернозем» для развития «большой» литературы.

Большая часть переводной беллетристики издавалась (и переводилась!) анонимно, что, в сущности, и являлось данностью этики и эстетики русской культуры XVIII в. и что, в определенной степени, связывало эту культуру с культурой древнерусской книжности. Переводами иностранных книг занимались и профессиональные литераторы, и любители, выходцы из самых разных слоев российского населения – от бывших крепостных до сиятельных дворян, ставя при этом самые различные задачи и преследуя самые различные цели – от выполнений социального заказа до приятного интеллектуально-творческого времяпрепровождения. Зачастую это была даже не проба пера, а некое творческое упражнение и дань зарождавшейся традиции, элемент культурного быта, культурного досуга.

Переводная литература в XVIII столетии выполняла двойную функцию: во-первых, переводчики знакомили русских читателей с произведениями западноевропейской литературы (тем самым переводы на русский язык осуществляли прежде всего познавательную функцию); во-вторых, переводная литература естественным образом вливалась в русский историко-литературный процесс, «ассимилировалась» и воспринималась уже как «своя» литература. Усваивая западноевропейские сюжеты и особенности художественной формы, переводчики осуществляли несомненное влияние на развитие отечественной литературы.

В процессе формирования жанра так называемые «второстепенные» авторы и беллетристика литературной периферии играют не последнюю роль. В литературных шедеврах признанных мастеров слова их творческая «кухня» оказывается скрытой, невидимой. У «второстепенных» же и «третьестепенных» авторов – по разным причинам (недостаточность мастерства, литературное ученичество, стремление подражать образцу и т. д.) – эта литературная «кухня» оказывается открытой для читателя (равно как и переводчика), ибо он видит «замок», соединяющий «своды» и отдельного произведения, и жанровой формы в целом. Определенный интерес в истории переводческой культуры России представляет офицерская среда,

выдвинувшая ряд интересных имен талантливых людей и среди них – сержант 7-й роты лейб-гвардии Преображенского полка Никанор Иванович Ознобишин (1726/1727–1788).

Переводы Сервантеса на русский язык

Обнаруженная нами рукопись Н.И. Ознобишина «*Корнелия*»³ – наиболее *ранний* (1761), *первый* из известных на сегодняшний день переводов Сервантеса на русский язык. «Сеньора Корнелия» Сервантеса в XVIII в. на русском языке не печаталась, только с 1805 г. – в переводе Ф. Кабрита – она вошла в российское читательское сознание. О рукописном переводе Н.И. Ознобишина ни библиографы, ни литературоведы, изучавшие жизнь и творчество Сервантеса, не знают [Державин 1958; Алпатов 1963, с. 265–274; Берковский 1955; Берковский 1962, с. 107–130; Алексеев 1985, с. 49, 63–71; Багно 1988, с. 285–295]. А.Д. Умикян, исследовавшая ранние русские переводы Сервантеса, сообщала как о первом русском переводе одной из «Назидательных новелл» – “*Las dos doncellas*” («Две любовницы») – в 1763 г. [Умикян 1948, с. 214–219] Однако, считает сама исследовательница, сведения о первых русских переводах Сервантеса неполны и неточны. Этот первый *печатный* перевод Сервантеса на русский язык («Две любовницы») не описан ни у В.С. Сопикова, ни у А.Ф. Смирдина, ни у В.В. Сиповского. «Сводный каталог русских книг XVIII в.: 1725–1800» под № 6446 дает описание «Двух любовниц»⁴.

Из «Назидательных новелл» в XVIII в. перевели и напечатали «Силу родства» (перевод с французского П.И. Фонвизина, младшего брата Д.И. Фонвизина. М., 1764); в 1794 г. в Санкт-Петербурге издали эту же новеллу под названием «Леокадия», в этом же году в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» напечатан перевод с французского Павла Львова, причем перевод, изданный в Париже в 1787 г., сделан с перделки Флориана. Только в 1769 г. в Санкт-Петербурге в двух томах вышла «История

³ РГБ. Рукописный отдел. Ф. 178/3717: Корнелия. Мишеля Сервантеса Сааведры с французского на русской перевел Никанор Ознобишин в Москве 1761 месяца апреля». Первая публикация: *Буранок О.Б.* Никанор Ознобишин – переводчик. Самара, 2005. С. 163–211.

⁴ Две любовницы: Гишпанская повесть Мих. Цервантеса Сааведры, автора Дон Кишота: Переведена с французского языка. М.: Печатано при имп. Московском университете, 1763. 78 с. 12° // Сводный каталог русских книг XVIII в.: 1725–1800. Т. 3: Р–Я. М., 1966. С. 111.

о славном Ла-Манхском рыцаре Дон Кишоте» (перевод-переделка с французского), отдельным изданием в 1781 г. опять в Петербурге вышла новелла «Ревнивый естрамадурец»⁵.

Ю.Д. Левин также считает «Двух любовниц» первым переводом Сервантеса на русский язык: «Впрочем, первым произведением Сервантеса, появившимся в русском переводе, был не роман его, а одна из “Назидательных новелл”, изданная в 1783 (опечатка; надо читать: в 1763 г. – О. Б.) при Московском университете под заглавием “Две любовницы” (оригинал – “Les dos doncellas”), – трогательное повествование о злоключениях двух юных красавиц, влюбленных в одного юношу, завершающееся, однако, счастливым финалом. Перевод, как и следовало ожидать, был сделан с французского, но в подзаголовке указывался первоисточник: “Гишпанская повесть Мих. Цервантеса Сааведры, автора Дон Кишота”. Такой подзаголовок свидетельствует об уверенности переводчика и издателя книги в том, что роман Сервантеса был уже известен русским читателям, хотя бы своим заголовком»⁶.

Переводили Сервантеса не с оригиналов, а большей частью с французского или немецкого переводов: в XVIII в. известны шесть отдельных переводов «Назидательных новелл». Печатались переведенные новеллы в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», а также отдельными изданиями [Умикян 1948, с. 214–219; Умикян 1959].

К.С. Корконосенко пишет, что «в России XVIII в. представление об испанской литературе и, шире, об испанской культуре только начинало формироваться... Случаи появления в русской печати испанских слов и фраз настолько редки, что заслуживают специального напоминания; случаи прямого перевода с испанского вообще единичны» [Корконосенко 2004, с. 117]. В 1795 г. отдельным изданием вышла книга «Прекрасная цыганка. Испанская повесть сочинения г. Сервантеса, автора Дон Кишота» (Смоленск: В типографии Приказа общественного призрения) [Корконосенко 2004, с. 118]. «Прекрасную цыганку» исследователь считает первым русским переводом новеллы Сервантеса, вторым – перевод Ф. Кабрита, текст которого точно соответствует французскому. Его можно назвать переложением, «поэтому вариант Кабрита намного дальше отстоит от подлинника» [Корконосенко 2004, с. 118].

Сверив смоленское издание с испанским оригиналом 1613 г., К.С. Корконосенко пришел к выводу, «что перевод в целом дей-

---

⁵ История русской переводной художественной литературы. Т. 1. С. 204.

⁶ Там же. С. 202.

ствительно сделан с испанского языка, однако в некоторых случаях переводчик пользовался и французским переводом-посредником» [Жорконосенко 2004, с. 118]. Это была вполне допустимая практика в переводческой культуре того времени. Исследователь подробно анализирует в публикации достоинства и недостатки перевода «Прекрасной цыганки», говорит о большой сложности для перевода «Назидательных новелл».

Начало 60-х гг. XVIII в. ознаменовалось интересом в русской публике к великому испанцу, прежде всего как к автору «Дон Кихота», о чем не преминули указать последователи Н.И. Ознобишина, более счастливые, нежели он (в том смысле, что их труды увенчались успехом – публикацией их переводов), однако Никанор Иванович еще раньше угадал тенденцию читательского спроса, что свидетельствует о его развитом эстетическом вкусе.

Почему из всего многообразия новелл Сервантеса Ознобишина-переводчика привлекла именно «Корнелия»? Скорее всего молодого гвардейского офицера подкупили внутренняя красота героев, простодушный, наивный тон повествования, энтузиазм любви, преданность, великодушие. Фабулой произведения управляет господин случай, а тип сказки, определил сюжет новеллы, поэтому в ней оптимистичная развязка.

Французский перевод новеллы Сервантеса, с которого Н.И. Ознобишин переводил «Корнелию», нам установить не удалось. Это при том, что переводы с французского занимают ведущее место среди переводной русской литературы обозначенного периода, произведения английской литературы и некоторых иных (итальянской, испанской, португальской) в большинстве случаев переводились на русский язык через посредство французских переводов.

Перевод «Корнелии» из «Назидательных новелл» Сервантеса: нравоучительные, назидательные мотивы новелл, представляющие собою повествование из жизни испанских дворян, их обслуги, крестьян, изображающие их интимно-семейные отношения, привлекали внимание сначала французских переводчиков, а затем и русских. В центре многих повестей – различные перипетии любовных отношений, причем любовь в духе идей эпохи Возрождения воспевается автором «Дон-Кихота» как чувство большое, значимое для человека любого социального слоя.

Недаром почти параллельно с французским и уж точно синхронно с русским переводом новелл Сервантеса во Франции появились «Нравоучительные сказки» Мармонтеля (1761, 1763), тотчас переведенные на русский язык П.И. Фонвизиним и напечатанные в московском журнале М.М. Хераскова «Свободные часы» в 1763 г. (отдельным изданием вышли в 1764 г. в Москве).

Нельзя исключить возможность непосредственного или опосредованного знакомства и общения среди московского просвещенного дворянства, в окололитературных кругах Н.И. Ознобишина с П.И. Фонвизиным, М.М. Херасковым и другими. Поэтому-то он в духе времени и в соответствии со своими увлечениями, о которых сам заявил в предисловии к одному из переводов, обращается к «Корнелии» Сервантеса.

Полезность, добродетельность, нравоучительность – основные побудительные мотивы русских переводчиков XVIII в., что отразилось в самих названиях переводов: «Сидней и Силли, или Благодарение и благодарность» (1769), «Ножка Франшеттина, или Сирота французская, полезная и нравоучительная повесть...» (СПб., 1774), «Аристоновы добродетели, или Жизнь добродетельного мужа» (СПб., 1779), «Зеркало девиц, или Удивительное похождение Жеттети, крестьянской дочери, добродетелию и постоянством славы и знатного достоинства достигнувшей» (СПб., 1783), «Страдание молодой Емилии, или К наставлению чувствительных и добродетельных душ» (М., 1785) и другие.

Мода на авантюрно-любовный роман во второй половине XVIII в. породила десятки переводов, известных и анонимных. Каждый из переводчиков осуществлял свой труд в меру своего знания иностранного языка, образования, способностей, своих установок (если таковые вообще имелись).

Обычное дело в переводческой культуре тех лет – пропуски в переводе по сравнению с оригиналом, упрощения, фактические ошибки, стилистические погрешности и т. д. Повесть-посредник на французском языке определяла и характер перевода, и его структуру, и стилистику.

Стараясь вписать в историко-литературный и культурный контекст Европы русскую литературу, переводчики этого периода не только заботились об общественной полезности переводимых ими книг, но и о соединении полезного с приятным, оттого их волновали такие эстетические и этические категории, как «чувствительность», «нежный слог», «изящество», «вкусное нравоучение», «совершенство».

Перевод становится для них не ремеслом, а искусством, «требующим не меньшего таланта, чем собственное литературное творчество». А.А. Барсов, Д.И. Фонвизин, И.П. Елагин, Ф.В. Каржавин, В.А. Лёвшин, И.Г. Рахманинов, П.И. Богданович, М.И. Верёвкин, А.А. Нартов, П.С. Потёмкин, Д.С. Болтин, А.И. Тургенев и многие другие во главе с Н.М. Карамзиным создают русскую переводческую школу, которая сделала их труды «неотъемлемой частью отечественной словесности и языковой культуры» [Кочеткова 1995, с. 226, 228].

*Сравнение перевода Ознобишина,
Ф. Кабрита и Б. Кржевского*

Перевод Н.И. Ознобишиным «Сеньоры Корнелии» Мигеля Сервантеса, несомненно, органично вписывается в литературный контекст эпохи и отвечает переводческим задачам и потребностям читающей публики середины XVIII в.

Сопоставительный анализ рукописного (Н. Ознобишина) и двух напечатанных переводов «Корнелии» (Ф. Кабрита и Б. Кржевского) наглядно показывает эволюцию переводческой культуры в России, отношение переводчиков к художественному тексту, историческим реалиям, стилю⁷.

Переводы Н. Ознобишина и Ф. Кабрита – это перевод с перевода: их сближает, прежде всего, французский первоисточник, который задал тон переводам, определил их стилевую манеру и фабульную близость. Имя и фамилия автора вызвали разночтение у переводчиков: Ознобишин переводит имя на французский манер – «Мишель Сервантес Сааведра», Кабрит русифицирует – «Михайла Сервантес». Только в XX в. повесть «Сеньора Корнелия» была переведена с испанского оригинала – Б.А. Кржевским, автор назван его испанским именем – Мигель де Сервантес Сааведра.

Аналогично дело обстоит и с именами собственными во всех трех рассматриваемых нами переводах «Корнелии»:

<i>Н. Ознобишин (1761)</i>	<i>Ф. Кабрит (1805)</i>	<i>Б. Кржевский (1934)</i>
Антоний Изунца	Антонио Изунко	Антонио де Исунса
Жуан Камбоа	Жуан Гамбоа	Хуан де Гамбоа
в Франдрию	в Фландию	во Фландрию
Корнелия Бентиволио	Корнелия Бенволио	Корнелия Бентивольо
Лауренто Бонтиволио	Лаврентий Бентиволий	Лоренцо Бентивольо
Болония (и Балония)	Болония	Болонья
Ферара (и Феррара, Верара, Веррара)	Феррара	Феррара
Анвер	–	Антверпен
в Нидерландии	–	во Фландрии

⁷ См.: 1) РГБ: Рукописный отдел. Ф. 178/3717: Корнелия. Мишеля Сервантеса Сааведры с французского на русской перевел Никанор Ознобишин в Москве 1761 месяца апреля; 2) Повесть, Корнелия // Повести Михайлы Сервантеса: В 3 ч. / перевел с франц. Федор Кабрит. Ч. 2. М., 1805. С. 1–93; 3) Сеньора Корнелия // Сервантес Сааведра М., де. Наиздавательные новеллы. М.; Л., 1934. С. 185–237.

Как видно, расхождения подчас значительные и связаны они, на наш взгляд, не только с тем, что переводчики работают с различными первоисточниками, но и с тем, что знания по истории страны у переводчиков отличались, общая художественная культура была иной и, наконец, может быть, главное – два первые перевода отстоят друг от друга на 44 года, а последний перевод был сделан в 1934 г., т. е. через 173 года после первого.

Перевод Н.И. Ознобишина почти не имеет абзацев, отличается крайней неупорядоченностью в орфографии и пунктуации, прямая речь графически не выделяется и не отделяется от прочего текста; текст идет без членения на предложения.

Данный перевод, сделанный в 1761 г., максимально близок к переводческой культуре Петровской эпохи. Переводчик использует русизмы и в этой повести: «свивал<ь>ник», «червонцы», «деревня», «мужичка»; непонятный ему предмет, обозначенный словом «агнус»⁸, заменяет на «перстень», поскольку это слово использовано в контексте, где оно может значить только одно – какая-то драгоценность. Н.И. Ознобишин и в сокращениях текста, и заменах каких-то деталей идет за французским переводом, как и Ф. Кабрит. Ф. Кабрит значительно в большей степени членит текст на абзацы, предложения, выделяет прямую речь (но в соответствии с правилами эпохи: внутри текстовых абзацев), соблюдает орфографию и пунктуацию в соответствии с требованиями начала XIX в. Б. Кржевский владеет иной техникой перевода, соответствующей нормам и правилам XX в.

Сравним⁹:

---

⁸ Б. Кржевский в примечаниях объясняет, что значит «агнус» – «Агнус (лат. agnus – ягненок) – католический талисман, имевший форму ягненка. Он изготовлялся из пасхальных свечей и освящался папой. Ему приписывалось свойство охранять от бури, пожара, молнии, злых духов и т. д. Женщины привилегированных классов обычно отделявали этот талисман драгоценной оправой и носили на груди как украшение» (с. 387).

⁹ Страницы указываются в тексте по следующим источникам: 1) РГБ: Рукописный отдел. Ф. 178/3717: Корнелия. Мишеля Сервантеса Сааведры с французского на русской перевел Никанор Ознобишин в Москве 1761 месяца апреля; 2) Повесть, Корнелия // Повести Михайлы Сервантеса: В 3 ч. / перевел с франц. Федор Кабрит. Ч. 2. М., 1805. С. 1–93; 3) Сеньора Корнелия / перев. с исп. Б. Кржевского // Сервантес Сааведра М., де. Назидательные новеллы. М.; Л., 1934. С. 185–237.

<i>Н. Озобишин (1761)</i>	<i>Ф. Кабрит (1805)</i>	<i>Б. Кржевский (1934)</i>
То приехавши в Анвер прислали к ним письма (л. 2).	Они разсудили по приезде своем в армию к ним писать (с. 1).	В Антверпене они получили письма от родителей (с. 185).
Я не должен придавать позорищу мать сего птенца, который ради неразумия моего мне поверен (л. 7).	Я не должен подвергать безславию мать этого дитяти, врученного мне по моей неосторожности (с. 7).	Это может навлечь беду на тех, кто отдал ребенка (с. 188).
Какое прекрасное дитя вскричала госпожа цалуя и прижимая его нежно к себе (л. 20 – 21).	Ах! как он любезен! сказала госпожа, целуя и с нежностью прижимая в своих объятиях (с. 24).	Она взяла младенца на руки, внимательно осмотрела его лицо... прижав его к себе (с. 198).
Оне как тот так и другой равно мне милы (л. 39).	Оба они мне любезны (с. 48).	– Я чересчур сильно люблю герцога и своего брата (с. 210).
Жизнь этова князя и вашего брата равно мне дороги (л. 39).	Жизнь сего принца, и жизнь вашего брата равно для меня драгоценны (с. 49).	– Здоровье и спокойствие герцога и вашего брата я буду охранять, как зеницу ока (с. 211).
Вот та мужичка на которой я женитца хочу (л. 73).	Вот та девушка, на которой я намерен женитца (с. 92).	– Следует ли вам разрешить мне жениться на крестьянке (с. 235).

Сравнивая данные переводы, нельзя, пожалуй, говорить о такой категории, как совершенство или несовершенство: каждый из них отражает литературную культуру, в том числе и переводческую, своей эпохи: классицистическую, сентименталистскую и реалистическую соответственно.

Основные принципы перевода прозы, определившиеся в середине XVIII в., оставались неизменными и в начале XIX в. Правда, «Сеньора Корнелия» в переводе Федора Кабрита близка к сентиментальной повести. Избежать этой зависимости переводчик вряд ли мог. Более того, он усилил мотив юности героев, их ветрености.

Так, в переводе 1805 г. смягчен родительский гнев по отношению к заблудшим чадам, т. е. Антонию и Жуану. Хотя родители и узнали обо всем, но письма их «были исполнены родительскою нежностью»¹⁰. Дон Антонио и дон Жуан «любимы и почитаемы»,

¹⁰ Повесть, Корнелия... С. 1.

«молоды и пригожи», «хорошо воспитаны, щедры, вежливы»¹¹; брат Корнелии, по Ф. Кабриту, Лаврентий (имя русифицировано) – «одаренный превосходнейшими качествами молодой дворянин»¹²; «Болония» – один из «достоинейших городов в Италии»¹³; дон Жуан – «великодушный кавалер»¹⁴. «Ах! велите мне его подать, сказала незнакомка. <...> Ах! как он любезен! сказала Госпожа, целуя и с нежностью прижимая в своих объятиях»¹⁵. «Любивший вас никогда не может перестать любить», – воскликнул дон Жуан¹⁶. Замечательна в этом смысле одна из последних в повести сентенций: «Вот та девица, на которой я намерен жениться, сказал герцог, и я надеюсь, любезный мой Бентиволио, что вы, увидя ее, не воспрепятствуете моим желанием, и позволите мне в брачном союзе с нею сделаться щастливейшим из смертных!»¹⁷. Хотя более точный перевод – не «девица», а именно «мужичка», как у Н.И. Ознобишина, или чуть мягче – «крестьянка», как у Б.А. Кржевского, так как смысл шутки, придуманной герцогом, заключается именно в том, что он объявляет о намерении жениться на простой крестьянке.

Сентиментализация перевода Ф. Кибрита очевидна: его стиль не только сродни стилю «Бедной Лизы», «Натальи, боярской дочери», но он определен поэтикой сентиментализма, благо, сюжетно-фабульная основа «Корнелии» так подходила и во многом совпадала с любовно-психологической сентиментальной повестью. Его перевод удачно вливался в общий историко-литературный и культурный контекст эпохи, которая действительно все еще характеризовалась превалированием переводных произведений над оригинальными, именно к ним был «преимущественный интерес читателя», однако это не является «одним из существенных признаков “периферийности” прозы», – как полагает В.Н. Топоров [Топоров 1995, с. 41]. Нельзя согласиться с исследователем, что общий «прозаический» контекст конца XVIII – начала XIX в. был скуден и беден (так считает В.Н. Топоров вслед за П. Вайлем и А. Генисом [Топоров 1995, с. 39]). Напротив, «Бедная Лиза» появилась не на пустом месте, Карамзин не «в одиночку распорядился будущим русской прозы» («распорядился» – как это не

---

¹¹ Там же. С. 3.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Там же. С. 2.

¹⁴ Там же. С. 11.

¹⁵ Там же. С. 24.

¹⁶ Там же. С. 49.

¹⁷ Там же. С. 92.

по-карамзински!), и статус русской прозы к концу XVIII в. был достаточно высок, а «Бедная Лиза» – не оазис в литературной пустыне. Карамзин-прозаик и смог-то родиться благодаря мощному прозаическому течению второй половины XVIII в., благодаря быстрой эволюции повести и романа – и не только в переводе, но и в оригиналах, о чем (особенно в последние десятилетия) писали многие литературоведы: Б.М. Эйхенбаум, Ю.М. Лотман, Ф.З. Канунова, Г.П. Макогоненко, Н.Д. Кочеткова, Б.А. Успенский, В.И. Фёдоров и другие.

Исходя из своих личных интересов, литературных пристрастий, Ф. Кабрит обратился к новеллам «Михайлы» Сервантеса, причем здесь он вполне следовал духу времени – «переводить надлежит таких писателей, которые всеми за лучших почитаются» [Кочеткова 1995, с. 224]. Ф. Кабрит в отличие от Н.И. Ознобишина явно рассчитывал на «чувствительного» реципиента: отсюда повышенная эмоциональность его перевода, усиление восклицательных конструкций, возвышенные любовные и дружеские чувства. Можно сказать, что тема новеллы – «награждённая добродетель», столь часто варьировавшаяся в оригинальной и переводной прозе конца XVIII – начала XIX в. Стремление к естественности и правдивости и вместе с тем увлекательность интриги, высокое понятие о чести и достоинстве и наряду с этим – экзотика далекой «Гишпани», прекрасной Италии, изображение жизни народов других стран – все это, безусловно, привлекало к себе русских читателей обозначенного периода. В контексте интереса русской читающей публики к творчеству Сервантеса перевод Ф. Кабритом повестей великого испанца был актуален и значим, более того, он был востребован, пользовался значительным читательским спросом.

Перевод Б.А. Кржевского (1934) отразил совершенно иную литературную и переводческую культуру, обогащенную традициями мировой и отечественной литературы. Прежде всего он осуществлялся на основе языка оригинала – испанского; 61 страницу занимает текст на испанском¹⁸, 52 – на русском языке. Лексически, грамматически и стилистически перевод соответствует требованиям эпохи – 30-м годам XX в. Убраны излишние архаизмы, нет столь характерных для XVIII–XIX вв. инверсий, переводчик вслед за текстом оригинала его тщательно абзацирует, везде графически выделяет прямую речь... Публикация новеллы снабжена примечаниями переводчика, хотя и весьма лапидарными. Перевод Б.А. Кржевского, конечно, более адекватен тексту оригинала, нежели переводы

---

¹⁸ См.: Obras completas de M. de Cervantes Saavedra Novelas ejemplares. Vol. 3. Madrid, 1925. P. 69–130.

Н. Ознобишина и Ф. Кабрита, поэтому на протяжении многих десятилетий прошлого столетия он вполне удовлетворял читательские запросы любителей Сервантеса, неоднократно переиздавался.

*Содержание перевода Н.И. Ознобишина
повести Мигеля де Сервантеса «Сеньора Корнелия»*

Обратимся к содержанию переведенной Н.И. Ознобишиным повести М. де Сервантеса «Сеньора Корнелия» (в переводе – «Корнелия»). В «Корнелии» нет датировки происходящих событий, но по разбросанным в повести деталям можно приблизительно установить время действия, поскольку один из персонажей повести, Алфонсо Дэсто (так называет его Н. Ознобишин) – реальное лицо¹⁹.

Алфонсо Дэсто – это герцог Феррары Альфонс II де Эсте. Он родился в 1533 г. и умер в 1597 г. Его жена – Лукреция Медичи (1545–1562), но она не может быть прототипом Корнелии, поскольку на Корнелии, как сказано в повести, герцог женился перед самой смертью своей матери, а герцогиня-мать (Рени де Франс²⁰) умерла в 1575 г., герцогу Альфонсо де Эсте в это время было 42 года.

В течение 1568–1573 гг. в Нидерландах (в том числе и в провинции Фландрия) осуществлялся террористический режим испанского герцога Альбы, вторгшегося в Нидерланды со своей армией, которая наводила ужас на местное население. Очевидно, что к концу этого периода во Фландрию и «приехали» герои Сервантеса – испанцы Антоний Изунца и Жуан Камбоа, которые вскоре решили возвратиться в «Гишпанию» (Испанию), поскольку «в Нидерландии для них нечего было более делать»²¹ – из-за возникшей мирной передышки (очевидно, вследствие поражения испанцев и, в связи с этим, отставки Альбы). Было им в это время, как указывает автор повести, одному 24 года, а другому – 26 лет. Перед возвращением в Испанию Антоний и Жуан решили путешествовать, отправились в Италию, перебивали во всех главных городах, и «им несколько время пожить захотелось»²² в Болонье, где они встретились с юной Корнелией (в повести ей не более 20 лет) и герцогом.

¹⁹ Кржевский Б.А. Примечания // Сервантес Сааведра М., де. Наизидательные новеллы. М.; Л., 1934. С. 387.

²⁰ Герцоги Феррарские и Моденские из дома Эсте. URL: <http://nobles.parod.ru/modena.htm> (дата обращения 14.04.2024).

²¹ РГБ. Ф. 178/3717: Корнелия. Мишеля Сервантеса Сааведры с французского на русской перевел Никанор Ознобишин в Москве 1761 месяца апреля. Л. 3.

²² Там же.

Сам Сервантес находился в Италии в течение 1570–1575 гг. [Балашов 1985, с. 362]. Все вышесказанное позволяет предположить, что события в повести развиваются именно в это время, скорее всего, в 1573–1575 гг. Герцог Алфонсо Дэсто в повести выглядит более молодым, чем был в это время герцог Альфонсо II де Эсте (но при этом эпитет «молодой» по отношению к герцогу не употреблен ни разу, а дон Антоний и дон Жуан неоднократно называются молодыми). Ни о каких реальных фактах из жизни Альфонсо II де Эсте в повести не говорится, равно как нет сведений о том, что описанные события имели место в реальной жизни. Сервантес берет только имя известного лица, помещая его в вымышленный бытовой контекст, переплетая его судьбу с судьбами вымышленных персонажей (это традиционный путь литературно-исторических сюжетов).

Таким же «громким», что называется «на слуху», именем является и фамилия Бентиволио. В этом семействе были кардиналы и правители; в течение полутора веков (XV – первая половина XVI в.) оно владело Болоньей²³, но у Сервантеса об этом речь не идет, в его повести это просто известная, уважаемая в Болонье семья со строгими традициями и нравами. Используя реальное имя, Сервантес придумывает представителей этого семейства (Корнелия, Лауренто) и их истории, судьбы.

Итак, как мы уже отмечали выше, реальные географические названия (Фландрия, Анвер, Италия, Болонья, Феррара) и реальные имена (Альфонсо де Эсте, Бентиволио) «подтверждают» достоверность описанных в повести событий и «реальность» всех действующих в ней персонажей. На фоне настоящих имен вымышленные персонажи воспринимаются читателем как «настоящие», что вполне соответствовало литературной культуре и эпохи Возрождения, и XVIII в.: интересно и полезно лишь достоверное, существующее на самом деле.

«Назидательные новеллы» М. Сервантеса отличались критическим или идиллическим пафосом; «Сеньора Корнелия» принадлежит ко второму виду, и Н.И. Ознобишин прекрасно сумел этот идиллический пафос передать в своем переводе.

Герои повести Антоний Изунца и Жуан Камбоа – благородны и честны, отзывчивы и добры. Эти свойства личности привлекают к ним других персонажей повести – Корнелию, Лауренто Бентиволио, герцога Алфонсо Дэсто и не только их. «...общество (в Болонье. – О. Б.) почитать их начало, ибо... разум их был так остер, что оне, будучи щедры, хорошо воспитаны, богато убраны и ни в чом

---

²³ Кржевский Б.А. Примечания... С. 387.

не притворяя натурального зверства, коим обыкновенно гишпанцов обвиняют, привлекли к себе дружество от всех как италианских, так и чужестранных знатных особ»²⁴. У Сервантеса (см. перевод Б. Кржевского) суперлативная характеристика молодых испанцев более развернута и подробна²⁵. При этом, по молодости своей, они достаточно легкомысленны и любопытны: так, не подумав о последствиях, дон Жуан берет новорожденного младенца, которого, обознавшись, отдала ему служанка Корнелии. В результате молодые люди оказались замешаны в очень сложную интригу, в запутанные отношения двух благородных семейств и смогли помочь Корнелии Бентиволио соединиться с ее любимым – герцогом Алфонсом Дэсто (Альфонсом де Эсте) – и помирить герцога с Лауренто Бентиволио. Дон Жуан спас жизнь герцогу (не зная, кто он), а дон Антоний приютил сбежавшую из дома Корнелию.

В повести активно используется античный прием узнавания по различным деталям. Герцог узнаёт своего спасителя дон Жуана по своей шляпе, которую отдаст ему после своего сражения с Бентиволио и его слугами; по этой же шляпе «с бриллиантовой петлей» Корнелия ошибочно примет дон Жуана за герцога, а дон Жуан вследствие этого узнает, кого он спас во время «шпажного боя». Корнелия по богатому «свивалнику» (пеленке) узнает своего ребенка, казалось, потерянного ею навсегда, ибо служанка ее отдала его неведомо кому. Герцог узнает, что младенец – его сын, по тем драгоценностям, которые он дарил Корнелии (ими, по совету пастора, – у которого будет скрываться Корнелия, когда тайно покинет квартиру приютивших ее испанцев, – она украсит младенца, коего пастор покажет герцогу).

К античным ретардациям и перипетиям восходят внезапные повороты в развитии сюжета и «обманные» сюжетные ситуации. Так, служанка «гишпанцов» (которой дон Жуан и его друг поручили заботиться о Корнелии, когда сами поехали вместе с Лауренто Бентиволио к герцогу Феррарскому) убедила девушку бежать из их квартиры, потому что это убежище слишком ненадежно и опасно для молодой женщины; кроме того, служанка опасалась, что испанцы вступили в сговор с Лауренто Бентиволио и тот явится, чтобы жестоко наказать свою сестру, нанесшую такой урон чести их семейства. Тем временем Бентиволио с испанцами достигли Феррары, встретились с герцогом, дон Жуан сумел все герцогу объяснить, а тот, в свою очередь, объяснил свои намерения Бентиволио. Сулпиция (служанка, которая отдала ребенка мнимому Фабио) узнала

²⁴ Там же. Л. 3 об.

²⁵ Сеньора Корнелия... С. 186.

дон Жуана и подтвердила, что отдала младенца Корнелии именно этому человеку. Недоразумение было разрешено, ссора прекращена и, счастливые, что Корнелия нашлась, герцог и Бентиволио вместе с испанцами поехали в Болонью. Дон Антоний поскакал вперед, чтобы уведомить Корнелию о прибытии герцога и брата и о благополучном разрешении всего недоразумения. «Но успех его был бесполезен: Корнелии в Болонии уже не было»²⁶. Дон Антоний в отчаянии и от этого непонятного и внезапного исчезновения Корнелии, и от того, что Бентиволио и герцог сочтут теперь испанцев лжецами и интриганам. Прибывшие итальянцы и дон Жуан тоже были в отчаянии и недоумении. Тут происходит ложный поворот к благополучной развязке: слуга сообщает, что в соседней горнице у Сенти Стефана находится «пригожая женщина» по имени Корнелия. Однако радость присутствующих была напрасной: женщина действительно оказалась Корнелией, но не той, которую они искали. Герцог в полном отчаянии уехал из Болоньи в Феррару. «И добрая его фартуна, которая предводительницею ему служила, сделала <так>, что он нечаянно приехал в ту деревню, куды служанка гишпанских господ Корнелию увезла»²⁷. Священника этих мест герцог хорошо знал, поскольку часто там охотился и, соответственно, навещал пастора Фердинанда. Корнелию служанка испанцев привезла именно к этому старому и доброму человеку, поскольку – объяснила она Корнелии – лучше будет, если ее обнаружат у этого святого старца, нежели у молодых испанцев. Пастор Фердинанд принял живое участие в судьбе Корнелии и взялся ей помочь. Поскольку Корнелия, узнав о приезде герцога, не знала, радости или горя ей ждать, пастор взялся осторожно выведать у герцога о его намерениях. Он велел Корнелии украсить младенца драгоценностями, которые были подарены ей герцогом, и показал его пребывающему в глубокой печали Алфонсу Дэсто. «Герцог удивился, увидев те алмазы, которые ему принадлежали. Изумления его наиболее удвоилось, когда он в младенце тот точной патрет нашол»²⁸. И снова неожиданный поворот в развитии сюжета: увидев вслед за тем Корнелию, герцог повел себя не так, как ожидала девушка: «Подал рабионка патеру, побежал назад в самое толко время, как лишь любезная его во об<ь>ятия ему кинутца готовилась»²⁹. А он, оказывается, «для того толко и назад ушол, чтоб

---

²⁶ РГБ. Ф. 178/3717: Корнелия. Мишеля Сервантеса Сааведры с французского на русской перевел Никанор Ознобишин в Москве 1761 месяца апреля. Л. 54.

²⁷ Там же. Л. 61.

²⁸ Там же. Л. 65 об.

²⁹ Там же. Л. 67.

послать тот же час Фабию в Болонию» – за испанцами и Бенвиволио³⁰. И, тут же вернувшись к Корнелии, объяснил свое поведение, успокоил плачущую девушку, объявил о готовности немедленно жениться на ней, несмотря на нежелание его матери видеть Корнелию своей невесткой.

Прибывшие испанцы и Лауренто Бенвиволио еще ничего не знали, и герцог, бывший вне себя от радости, решил над ними подшутить: он им объявляет, что поскольку Корнелия пропала, он женится на «мужичке», да еще уверен при этом, что все присутствующие одобряют этот брак, которого требует от него пастор. «Бенвиволио, который не ожидал таких слов, в лице переменялся. Ярость и злоба в глазах его запылала. Он не знал, за что приняты, и оба гишпанцы в гневе и удивлении ему не уступали»³¹. Не чувствуя подвоха, испанцы обещают Бенвиволио, что приведут герцога в раскаяние, и тот заплатит «за многую обиду, которую он таперь Корнелии и всем нам досадительно зделал»³². А далее, когда герцог в качестве невесты-«мужички» представил присутствующим Корнелию, «Бенвиволио и гишпанцы смеялись над шудкою. И Фердинанд сам того ж дня с великим торжеством свадьбу обвенчал»³³.

Любовный сюжет всегда заканчивается свадьбами. Так и в этой повести автор в заключение объявляет о свадьбах: Корнелия вышла замуж за герцога, Фабио женился на Сулпиции, «гишпанцам» предлагали жениться на герцоговых родственницах, но они предпочли вернуться в Испанию, ибо у них принято жениться в своем отечестве. Однако, отказавшись от женитьбы на итальянках, они не смогли отказаться от богатых подарков, которыми одарили их Корнелия и герцог³⁴.

Секретные истории сильных мира сего, «разоблачения», некие «правдивые истории», повествование от первого лица или лица некоего исторического деятеля – все это быстро усвоено русскими авторами, переводчиками, читателями. Таким образом, западноевропейское романное мышление через переводы вполне осваивалось на русской почве.

Повествование в «Корнелии» ведется от третьего лица – автора. Но и речь рассказчика, и речь автора-повествователя – не сплошной монолог, в нее включаются и высказывания персонажей, т. е. прямая речь. Она графически не выделена, сливается с остальным

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 70 об.

³² Там же. Л. 71 об.

³³ Там же. Л. 72 об.

³⁴ Там же. Л. 73.

текстом. Это не является особенностью именно ознобишинского текста, это вообще характерная черта в переводах XVIII в. Диалоги, прямая речь, не собственно прямая речь и другие виды речи только-только еще осознавались переводчиками, поэтому очень часто оригинальный (особенно рукописный) текст не содержит графического оформления диалогов и прямой речи. Переводчики просто не умели еще этого делать. Давно усвоенные в русской оригинальной литературе риторические приемы (такие, как риторические вопросы, восклицания, обращения, анафоры, повторы, синтаксический параллелизм) сложно «шли» в переводах середины века. Переводчик, прежде всего, стремился к точному переводу лексики, не особенно заботясь о красотах стиля. Стилистический рисунок оригинального текста не всегда диктовал стиль перевода: конструкции оригинальной разговорной речи подменялись или книжной фразеологией, или, наоборот, переводчик впадал в другую крайность: разговорная интонация определяла основные речевые краски перевода.

Из всех переводов Н.И. Ознобишина «Корнелия» является наиболее интересным художественным текстом, что, разумеется, обусловлено совершенством повести Сервантеса, которой не повредил даже двойной перевод (с испанского на французский и уже с французского – на русский). Можно только пожалеть, что ознобишинский перевод новеллы Сервантеса так и не был опубликован и остался неизвестным широкому кругу читателей второй половины XVIII в.

Таким образом, приключенческий «исторический» сюжет с четко расставленными этическими акцентами и благополучным финалом не мог не быть интересным русским читателям, как не мог не быть интересным для них и новый, по сути дела, жанр повести с элементами исторического повествования и любовными перипетиями сюжета. Переводы подобных произведений способствовали становлению жанра повести в России, что придется уже на конец столетия, в литературе сентиментализма. А генезис жанра русской повести необходимо видеть не только в «гисториях» петровской эпохи, но и в переводной западноевропейской прозе, органично входившей в русский литературный процесс середины XVIII в.

Литература

Алексеев 1985 – *Алексеев М.П.* Из истории испано-русских литературных отношений XVI – начала XIX в. // Алексеев М.П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 7–169.

- Алпатов 1963 – *Алпатов М.В.* «Назидательные новеллы» Сервантеса // Этюды по истории западноевропейского искусства. М., 1963. С. 265–274.
- Багно 1988 – *Багно В.Е.* Дорогами «Дон-Кихота». М., 1988. 450 с.
- Балашов 1985 – *Балашов Н.И.* Сервантес // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 3. М., 1985. С. 360–372.
- Берковский 1962 – *Берковский Н.Я.* Новеллы Сервантеса // Берковский Н.Я. Статьи о литературе. М.; Л., 1962. С. 107–130.
- Берковский 1955 – *Берковский Н.Я.* Новеллы Сервантеса // Сервантес Сааведра М., де. Назидательные новеллы. М., 1955. С. 12–21.
- Державин 1958 – *Державин К.Н.* Сервантес: Жизнь и творчество. М., 1958. 743 с.
- Калашникова 1991 – *Калашникова О.Л.* Русский роман 1760–1770-х годов. Днепропетровск, 1991. 160 с.
- Копанев 1988 – *Копанев Н.А.* Из истории международной книготорговли. Л., 1988. 158 с.
- Копанев 1990 – *Копанев Н.А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 14 с.
- Корконосенко 2004 – *Корконосенко К.С.* Перевод с испанского в XVIII в.: «Прекрасная цыганка» Сервантеса // Русская литература. 2004. № 4. С. 117–118.
- Кочеткова 1995 – *Кочеткова Н.Д.* Середина 1780-х годов – 1800: Сентиментализм // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 1: Проза. СПб., 1995. С. 213–279.
- Пахсарьян 1996 – *Пахсарьян Н.Т.* Генезис, поэтика и жанровая система французского романа 1690–1760-х гг. Днепропетровск, 1996. 267 с.
- Сазонова 1999 – *Сазонова Л.И.* Переводной роман в России XVIII в. как *ars amandi* // XVIII век: Сб. 21. СПб., 1999. С. 127–139.
- Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М., 1995. 509 с.
- Умикян 1959 – *Умикян А.Д.* Мигель де Сервантес Сааведра // Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке: 1763–1957. М., 1959. 130 с.
- Умикян 1948 – *Умикян А.Д.* Ранние русские переводы Сервантеса (1763–1831): Библиографические заметки // Сервантес: Статьи и материалы. Л., 1948. С. 214–219.

References

- Alekseev, M.P. (1985), “From the history of Spanish-Russian literary relations of the 16th – early 19th century”, in Alekseev, M.P. *Russkaya kul'tura i romanskii mir* [Russian culture and the Romanesque world], Leningrad, USSR, pp. 7–169.

- Alpatov, M.V. (1963), “ ‘Exemplary short stories’ by Cervantes”, in *Etyudy po istorii zapadnoevropeiskogo iskusstva* [Studies on the history of Western European art], Moscow, USSR, pp. 265–274.
- Bagno, V.E. (1988), *Dorogami “Don-Kikhota”* [The roads of Don Quixote], Moscow, USSR.
- Balashov, N.I. (1985), “Cervantes”, in *Istoriya vsemirnoi literatury: V 9 t.* [History of the world literature: in 9 vols], Moscow, USSR, vol. 3, pp. 360–372.
- Berkovskii, N.Ya. (1962), “Novellas of Cervantes”, in Berkovskii, N.Ya. *Stat’i o literature* [Articles on literature], Moscow, Leningrad, USSR, pp. 107–130.
- Berkovskii, N.Ya. (1955), “Novellas of Cervantes”, in Servantes Saavedra, M., de, *Nazidatel’nye novelly* [Exemplary short stories], Moscow, USSR, pp. 12–21.
- Derzhavin, K.N. (1958), *Servantes: Zhizn’ i tvorchestvo* [Cervantes. Life and works], Moscow, USSR.
- Kalashnikova, O.L. (1991), *Russkii roman 1760–1770-kh godov* [Russian novel of the 1760s–1770s], Dnepropetrovsk, USSR.
- Kopanev, N.A. (1988), *Iz istorii mezhdunarodnoi knigotorgovli* [From the history of international book trade], Leningrad, USSR.
- Kopanev, N.A. (1990), *Frantsuzskaya kniga i russkaya kul’tura v seredine XVIII veka* [French book and Russian culture in the middle of the 18th century, Abstract of Ph.D. dissertation (History), Leningrad, USSR.
- Korkonosenko, K.S. (2004), “Translation from Spanish in the 18th century. ‘The Beautiful Gypsy’ by Cervantes”, *Russkaya literature*, no. 4, pp. 117–118.
- Kochetkova, N.D. (1995), “Mid-1780s – 1800. Sentimentalism”, in *Istoriya russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury: Drevnyaya Rus’. XVIII vek* [History of Russian translated fiction. Ancient Rus. 18th century], Saint Petersburg, Russia, vol. 1, pp. 213–279.
- Pakhsaryan, N.T. (1996), *Genezis, poetika i zhanrovaya sistema frantsuzskogo romana 1690–1760-kh godov* [Genesis, poetics and genre system of the French novel of the 1690s – 1760s], Dnepropetrovsk, Ukraine.
- Sazonova, L.I. (1999), “Translated novel in Russia of the 18th century as *ars amandi*”, in *XVIII vek: Sb. 21.* [18th century. Col. 21], Saint Petersburg, Russia, pp. 127–139.
- Toporov, V.N. (1995), *“Bednaya Liza” Karamzina. Opyt prochteniya* [“Poor Lisa” Karamzin. The experience of reading], Moscow, Russia.
- Umikyan, A.D. (1959), “Miguel de Cervantes Saavedra”, in *Bibliografiya russkikh perevodov i kriticheskoi literatury na russkom yazyke: 1763–1957* [Bibliography of Russian translations and critical literature in Russian. 1763–1957], Moscow, USSR.
- Umikyan, A.D. (1948), “Early Russian translations of Cervantes (1763–1831). Bibliographic notes”, in *Servantes: Stat’i i materialy* [Cervantes. Articles and materials], Leningrad, USSR, pp. 214–219.

Информация об авторах

Олег М. Буранок, доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия; 443010, Россия, Самара, ул. Толстого, д. 47; olegburanok@yandex.ru

Александр О. Буранок, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; buranok@yandex.ru

Information about the authors

Oleg M. Buranok, Dr. of Sci. (Philology), Dr. of Sci. (Pedagogics Sciences), professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia; 47, Lev Tolstoy St., Samara, Russia, 443010; olegburanok@yandex.ru

Aleksandr O. Buranok, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; buranok@yandex.ru